

Внешнеполитический фактор реформ в России и Пруссии в начале XIX в.

*Арсений Александрович Жданов,
Владимир Александрович Карпусь,
Никита Дмитриевич Тихонов*

МГИМО МИД России, Факультет международных отношений

РЕЗЮМЕ

В начале XIX века Россия и Пруссия были абсолютными монархиями, сохранившими многие феодальные порядки. Однако в обоих государствах была небольшая, воспринявшая идеи Просвещения, часть общества, которая питала убеждение в необходимости преобразований. Обе державы были вовлечены в Войну четвертой коалиции, из которой победительницей вышла Франция. Для России это поражение было связано скорее с репутационными издержками: по итогам Тильзитского мира она сохраняла господство в Восточной Европе. Пруссия же лишалась половины своей довоенной территории, на нее налагались серьезные контрибуции. Это и стало катализатором немедленных реформ в Пруссии, тогда как в России преобразования Александра I все еще сталкивались с противодействием большей части общества.

В процессе российских реформ важную роль играла личность Александра I и

его убеждения, тогда как в Пруссии реформаторы (Штейн и Гарденберг) сменяли друг друга под внешним давлением Наполеона. Из-за этого каждый из них вынужден был проводить реформы, направленные в первую очередь на укрепление государственных институтов. Поэтому практическая составляющая предвляла идейную, в которой реформаторы расходились друг с другом: Штейн предлагал ориентироваться в преобразованиях на Англию, тогда как Гарденберг – на государственный строй наполеоновской Франции. В обоих государствах реформы были прерваны Войной за освобождение и Отечественной войной, однако в Пруссии реформы к этому моменту были более завершенными, чем в России. После победы над Наполеоном и Венского конгресса не последовало системного возобновления преобразований ни в Пруссии, ни в России до следующего внешнеполитического потрясения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Российская империя; Королевство Пруссия; Наполеоновские войны; Александр I; Фридрих Вильгельм III; реформы.

The foreign policy factor of reforms in Russia and Prussia at the beginning of the 19th century

Arseniy A. Zhdanov

Vladimir A. Karpus

Nikita D. Tikhonov

MGIMO University, School of International Relations, 2nd year

---

ABSTRACT

At the beginning of the 19th century both Russia and Prussia were absolute monarchies which preserved the feudal order. At the same time a small part of society embraced the ideals of the Enlightenment and was convinced of the necessity of reforms. Both of these states participated in the War of the Fourth Coalition and were defeated by France. However, the defeat of Russia was more a reputational one: after the Treaties of Tilsit Russia maintained its dominance in Eastern Europe. Prussia lost half of its pre-war territory and was forced to pay a large contribution. That happened to be a catalyst of the immediate reforms, whilst changes promoted by Alexander I in Russia still faced the opposition of the vast majority of society.

The character of Alexander I and his beliefs played an important role in the reform

process in Russia, while reformers in Prussia replaced each other under the pressure of Napoleon. Because of it the priority of each reformer was strengthening the state institutions. The practical component of the reforms preceded the theoretical one, where the reformers' views contradicted each other. Stein proposed to orientate on England in transformations, whilst Hardenberg – on the political system of Napoleonic France. In both states the reforms were interrupted by the War of Liberation and the Patriotic War, however in Prussia the transformations had been by that moment more complete. After the defeat of Napoleon and the Congress of Vienna neither in Russia, nor in Prussia the process of systematic reforms was not continued until the next foreign political commotion.

KEYWORDS

Russian empire; Prussian kingdom; Napoleonic Wars; Alexander I; Frederick William III; reforms.

Contact the authors via zhdanov2107@inbox.ru, karpus.w@ya.ru, niktikh0305@gmail.com

ВВЕДЕНИЕ

Объектом исследования работы является история России и Пруссии в конце XVIII – начале XIX вв., предметом – реформы в обоих государствах. Исследовательской задачей авторы ставят определение влияния внешней политики на реформационные процессы в России и Пруссии. Основными исследовательскими методами работы являются исследование источников и историографии по теме исследования, а также компаративистский метод.

Реформы Александра I как в отечественной, так и зарубежной историографии раскрыты с разных точек зрения, зачастую противоречащих друг другу. Реформы в Пруссии также были исследованы как дореволюционными, так и современными российскими историками, например В.М. Безотосным, В.Г. Баевым и Г.С. Рагозиным. В зарубежной историографии эта тема освещена такими авторами как Хаген Шульце, Джон А. Армстронг и Алан Тейлор. Научная новизна работы состоит в попытке сравнения прусского и российского опыта реформ. Наряду с обширной историографией по обозначенным аспектам выбранной темы, авторы использовали свидетельства ряда очевидцев тех событий – графа де Мирабо, Карла фон Клаузевица, Адама Ежи Чарторыйского, а также документы данного периода: «Рижский меморандум» Карла Августа фон Гарденберга, проекты реформы М.М. Сперанского, переписку между Александром I и Фредериком Лагарпом.

В первой части статьи проанализи-

рованы общие и различные черты развития общества и внешней политики России и Пруссии на рубеже XVIII и XIX вв. Далее авторы переходят к анализу влияния непосредственно внешней политики на процесс и сущность реформ. В заключительной части статьи представлено сравнение итогов преобразований в России и Пруссии.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ В РОССИИ ПРУССИИ В НАЧАЛЕ XIX В.

При вступлении Александра I на престол Россия была военно-бюрократической самодержавной монархией. Социальной опорой власти было дворянство – военно-служилая знать, как правило, обладающая земельными наделами. К этой эпохе применялось такое понятие, как «дворянская империя», т. е. империя, в которой правитель является выразителем интересов дворян. Большая часть этого сословия разделяла консервативные взгляды и не желала политических преобразований, наоборот, стремилась сохранить общество, в котором оно играло главнейшую роль и обладало широчайшими правами^[1]. Сформировалась многочисленная оппозиция реформам Александра I, в которой участвовали многие титулованные особы, в том числе и сестра императора, Екатерина Павловна. Активную публицистическую деятельность с критикой реформ проводил сенатор Н. Г. Вяземский, а придворный историограф Н. М. Карамзин уже в 1811 году написал Александру «Записку о Древней и Новой

[1] Троицкий Н.А. История России в XIX веке / Н.А. Троицкий. – Москва : Высшая школа, 1997. – С. 5.

России» – манифест русского консерватизма.

Одновременно с этим существовало и поколение молодых дворян, увлекавшихся идеалами великих французских мыслителей эпохи Просвещения и желавших их реализации в России. Они также осознавали себя как сложившуюся социальную группу и пытались влиять на курс правительства.

Александра в первые годы его правления одновременно окружали как «старые» екатерининские вельможи, так и молодые реформаторы-либералы. Самым ярким представителем первой группы был А. Р. Воронцов, первый министр иностранных дел. Он выступал за независимую внешнюю политику России, дружественные отношения с Австрией и Англией, дипломатическую борьбу с Францией и ее изоляцию. Молодые друзья императора в начале его правления объединились в неформальный кружок (Негласный комитет), где они обсуждали идеи преобразования России. Ближайшее окружение Александра, в противовес А. Р. Воронцову, брало пример с революционной Франции и хотело ввести в России похожие прогрессивные законы, уравнивавшие все сословия и наделявшие подданных равными политическими правами, надеясь добиться таких же социально-экономических успехов, которых достигла Франция. А. Ю. Чарторыйский вспоминал, что Александр особенно яростно критиковал существующий общественный порядок в России, более других чле-

нов комитета требовал решительных действий^[2].

Негласным комитетом был осуществлен ряд реформ. В 1802 году юные реформаторы приняли ряд законов, частично ограничивающих привилегии помещиков и защищающих права крестьян. Было запрещено продавать крестьян «в розницу», ссылать их в Сибирь за какие-либо проступки. Запрещалось печатать объявления о продаже крестьян в газетах. Тогда же в 1801 году была ликвидирована монополия дворян на владение землей, теперь все свободные сословия могли покупать землю. В 1803 году был издан указ «О вольных хлебопашцах», в соответствии с которым помещик получал правовую основу для освобождения крестьянина.

Одним из самых ярких символов реформ второй половины первого десятилетия правления Александра был М. М. Сперанский, предлагавший в Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России (1803 г.), Введении к уложению государственных законов (1809 г.) обоснованные с позиции Просвещения системные преобразования в России, направленные как и на реформирование органов власти, так и на социальные изменения (распределение всего населения империи по трем сословиям и определение за ними соответствующих прав)^[3]. Александр, уже с помощью Сперанского, стремится к воплощению своей просвещенной республиканской мечты. Кульминацией программы реформ

[2] Чарторыйский А.Ю. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с Александром I. В 2 т. Т. 1 / Адам Чарторижский; пер. с фр. А. Дмитриевой; ред. и вступ. ст. А. Кизеветтера. – Москва: книгоиздательство К.Ф. Некрасова, 1912. – С. 232–233.

[3] Введение к уложению государственных законов М. М. Сперанского // Конституция РФ: сайт. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3848894/> (дата обращения: 27.05.2023).

Сперанского, начатых по инициативе Александра I, является создание Государственного Совета. Так, в Манифесте об образовании Государственного Совета декларируется курс на преобразования государственного устройства даже в условиях сложной внешнеполитической ситуации: «...войны и внешние политические превращения многократно отвлекали нас от исполнения сих предположений. <...> мы не преставали мыслить о усовершеннии внутренних наших установлений»^[4]. Такое понимание сущности реформ разделялось лишь частью российской политической элиты, тогда как большая ее часть не понимала, как реформы отвечают ее интересам и, что не менее важно, не видела реформы обусловленными практической необходимостью.

Подобное рассогласование между теорией и практикой приводит к тому, что большая часть консервативно настроенного дворянства была недовольна Сперанским. Это ярко и точно выражено Н. М. Карамзиным в «Записке о древней и новой России». Карамзин пишет: «...одна из главных причин неудовольствия россиян на нынешнее правительство есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основы империи...»^[5]. Как отмечал историк В. О. Ключевский^[6], преобразования Негласного комитета просто не могли закончиться успешно из-за той консервативной среды дворян,

в которой оказался Александр I, и наивности молодых реформаторов.

Таким образом, попытки либеральных реформ в правление Александра I встречали значительное сопротивление общества. При этом спорным является тезис о том, что преобразования в принципе имели шансы на успех. Историк С.В. Мироненко считал^[7], что Александр действительно пытался реформировать Россию, однако сами российские реалии делали практически невозможным воплощение в жизнь идей императора.

Конфигурация политических элит в Пруссии была несколько иной. Еще в 1781 году французский посол и будущий трибун Французской Революции Мирабо, посетив Берлин Фридриха II, писал в своей «Monarchie Prussienne»: «...в государстве все держалось личностью этого государя, учреждения страны никуда не годились, для ее укрепления нужны были самые серьезные преобразования, и без них монархия Фридриха II не выдержит первого сколько-нибудь сильного толчка...»^[8]. Во многом эти слова оказались пророческими – через 25 лет Пруссия столкнулась с внешним «толчком», и страна стала меняться до неузнаваемости.

Внутренний и внешний вектор развития Пруссии после кончины в 1797 году Фридриха Вильгельма II, племянника и идейного последователя курса Фридриха II Великого, сильно не

[4] Манифест «Образование Государственного совета» 1 января 1810 г. // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т.6: Законодательство первой половины XIX века. – М., 1988. – С. 61.

[5] Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России / под ред. Ю.С. Пивоварова. – Москва : Наука, 1991. – С. 53.

[6] Ключевский В.О. Курс русской истории. В 5 т. Т. 5. – Москва : Директ-Медиа, 2012. С. 275–276.

[7] Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в первой четверти XIX в. / С.В. Мироненко. – Москва : Наука, 1989. – С. 230.

[8] Кареев Н.И. Прусские реформы перед войной за освобождение / Н.И. Кареев // Отечественная война и русское общество 1812–1912. В 7 т. Т. 6. – Москва : Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1912. – С. 34–37

изменился. На престол вступил Фридрих Вильгельм III – юный правитель, который отличался от своего предшественника многими личными качествами: в отличие от отца он был скромнее, честолюбив, религиозен и не слишком амбициозен. Но несмотря на эту внутреннюю противоречивость двух монархов, современники отмечали^[9], что консервативный курс, который был присущ режимам отца и деда, у нового монарха объяснялся его личной зажатостью и строгим воспитанием, любовью к немецкому классическому «*Ordnung*».

Многие социальные группы прусского общества к началу XIX века были недовольны правительством: дворянам, поставленным «Общим земским правом» во главе других сословий, не нравился закон о неотчуждаемости рыцарских земель и закон о запрете дворянам заниматься промышленностью и торговлей, рыночная экономика в Пруссии конца XVIII века находилась в зачаточном состоянии, во многом из-за неграмотной этатистской политики правительства. Во многом, налоговый бюджет Пруссии зиждился на налоговых поступлениях от крупных промышленных предприятий, монополий и крестьянских земель. В связи с этой нерациональной налоговой политикой, не позволявшей стимулировать развитие крупной промышленности и корпораций, отсутствие системы видов личных налогов, а также низкий уровень развития гражданского права делали Пруссию не очень развитой державой с

экономической точки зрения, по сравнению с Англией или Францией^[10].

Во второй половине XVIII века идеи эпохи Просвещения сильно отразились на настроениях в среде прусской интеллигенции – эти идеи царили в умах Канта, Фихте, Шёна, Гофмана и других немецких интеллектуалов^[11]. Такая идеологическая основа противоречила курсу прусского правительства на корню – отсюда рождался конфликт между творческой элитой и элитой политической, и следовательно, все сводилось к формированию аполитичных настроений в кругах прусского бомонда. В то же время англоязычный исследователь А. Тейлор отмечает^[12], что несмотря на либеральную ориентацию интеллектуальных кругов прусского общества, никто не стремился и ничего не делал для преобразований Пруссии подобно Франции. Немцы не имели четкой политической программы и, что важно, симпатии к бедным слоям населения – все те гражданские права, полученные французами в конце XVIII века, интеллектуалы в Пруссии намерены были получить без усилий и стремлений, инфантильно размышляя об образе идеального и справедливого общества.

Таким образом, прусское общество было достаточно разрозненным – меры и политические идеи правительства не находили никакого отклика в среде дворянства, бюргерства, крестьянства и в интеллектуальных кругах. Отсюда следовал кризис прусского общества, который назревал со второй половины XVIII

[9] Клаузевиц К. 1806 Krieg / К. Клаузевиц. – Москва: Госвоениздат, 1934. – С. 18–22.

[10] Самарин Ю.Ф. Финансовые реформы в Пруссии в начале нынешнего столетия / [Соч.] Ю. Ф. Самарина. – Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К°, ценз. 1878. – С. 14–15.

[11] Лависс Э. Очерки по истории Пруссии / Э. Лависс. – Калининград: Янтарный сказ, 2006. С. 75–78.

[12] Taylor A.J.P. The course of German history / Taylor A.J.P. – London: Routledge, 1961. – P. 28.

века, и открыто он проявился в эпоху наполеоновских войн.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ И ПРУССИИ В ХОДЕ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

При Павле I Россия активно участвовала во II антифранцузской коалиции, в конце его правления радикально сменила внешнеполитический вектор и вступила в союз с Наполеоном. Разрыв отношений с Англией был опасен для экономики империи: Россия активно торговала с Великобританией, русские дворяне закупали промышленные товары и продавали Англии сельскохозяйственную продукцию. Начало войны с этой страной могло нанести серьезный экономический ущерб наиболее влиятельному и лояльному трону сословию.^[13] Император Александр I почти сразу по восшествии на престол отозвал войска из индийского похода, отношения с Францией поддерживались дружеские, но не союзнические. Французская экспансия по-прежнему представляла потенциальную угрозу для России.^[14] Петербург на основании опыта прошлых лет избегал участия в войнах европейских коалиций, если это не затрагивало национальные интересы России непосредственно. Российская дипломатия в первые годы правления Александра имела «полную свободу рук»^[15], не отягощалась союзами с кем-либо, но сохранить нейтра-

литет в быстро меняющихся реалиях международных отношений не удалось. Агрессивная внешняя политика Наполеона, убийство герцога Энгиенского, а также личное оскорбление, нанесенное Александру, вынудило Россию отказаться от принятой доктрины. Россия стала активным участником III и IV антифранцузских коалиций.

Сражение под Аустерлицем 1805 года было крупным ударом для всей российской внешней политики и лично для Александра. Однако поражения III и IV коалиций не нанесли России такой колоссальный политический ущерб как Пруссии или Австрии, издержки были скорее репутационными: Александр был вынужден признать Наполеона законным, равным себе «государем-братом»^[16]. По Тильзитскому миру 1807 года Российская Империя не потеряла никаких территорий, наоборот, приобрела Белостокскую область. После этого мира Россия продолжила войну с Турцией, победно завершённую в 1812 присоединением Бессарабии. Бухарестский мир обезопасил южные рубежи России на время Наполеоновского вторжения, лишил Францию поддержки важного союзника. В 1808–1809 годах прошла война со Швецией. Этой военной кампанией Россия добилась присоединения Финляндии и усиления своего влияния в Балтии, шведского нейтралитета во время Отечественной Войны. В дальнейшем Россия поддержала присоединение Норвегии к Швеции в 1814 году взамен утраченной Финляндии. С момента под-

[13] Эйдельман Н.Я. Грань веков / Эйдельман Н. Я. – М.: Мысль, 1986. – С. 131.

[14] Троицкий Н.А. История России в XIX веке / Н.А. Троицкий. – Москва : Высшая школа, 1997. – С. 10-11.

[15] Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914) / О.Р. Айрапетов. – Москва : Европа, 2006. – С. 25–26.

[16] Троицкий Н.А. Указ. соч. – С.14.

писания Тильзитского мира и до Отечественной Войны просуществовала своеобразная система международных отношений, в которой Россия имела большое влияние в Восточной Европе. Против своей воли Александр оказался союзником Наполеона, участвовал в континентальной блокаде, даже формально воевал с Австрией в 1809, однако продолжал военную реформу. Тем самым он готовился к конфронтации с Францией, что говорит о сохранении Россией фактического суверенитета во внутренней и внешней политике после Тильзитского мира.

Позиция Пруссии во время Наполеоновских войн была неоднозначной вплоть до 1806 года: несмотря на обещания Австрии Фридрихом Вильгельмом III обеспечить поддержку в войне с Наполеоном, Пруссия не вступила в третью антифранцузскую коалицию и всячески избегала военных столкновений. Некоторые историки^[17] это связывали с боязнью монарха воевать с огромной армией Бонапарта, а другие предполагали^[18], что Фридрих Вильгельм III вовсе рассчитывал на союз с Наполеоном и, как следствие, на передачу французами Ганновера (который ранее захватила наполеоновская армия в 1803 году).

После битвы под Аустерлицем и последующего Пресбургского мирного договора, в соответствии с которым объявлялся распад Священной Римской Империи, поражение Австрии в войне и уменьшение ее территорий на 17%, Наполеон потребовал от прусского короля заключить мирный договор. Мо-

нарх принял эти условия, получив, как и ожидалось Ганновер, и гарантии о ненападении. Однако усиление Рейнского союза – искусственно созданного Наполеоном политического образования как альтернативы Священной Римской империи начали беспокоить прусского монарха. В то же время в Пруссии начался резкий подъем патриотических и военных настроений^[19] – в Берлине многие верили, что прусская армия сохранила традиции Фридриха Великого и готова защитить Европу от «корсиканского выскочки».

1 октября 1806 года Пруссия предъявила ультиматум Наполеону, требуя убрать французские армии с германских земель вплоть до Рейна – вскоре Наполеон объявил войну Пруссии, которая вскоре была разгромлена при Йене и Ауэрштедте. После коллапса прусской армии, по условиям Тильзитского мира королевство теряло около половины своих территорий и фактически подчинялось Наполеону (явный пример таковой зависимости: перед походом французской армии 1812 года Пруссия обязалась выставить свою армию в помощь). Из Парижа теперь во многом диктовался и внутривнутриполитический курс Пруссии: Наполеон мог принудить французского короля отправить в отставку неугодных Императору французов прусских сановников, а сам Фридрих Вильгельм III до конца 1809 г. был в фактической ссылке в Мемеле. Таким образом, кратковременная война с Францией, в ходе которой Пруссия была разгромлена меньше, чем за месяц, по-

[17] Тарле Е.В. Наполеон / Е.В. Тарле. – Москва : Журнально-газетное объединение, 1936. – С. 185–193.

[18] Rovani J. Histoire de l'Allemagne des origines à nos jours / J. Rovani. – Montrouge : L'Institut Franco-Allemand, 1999. – PP. 34–38.

[19] Клаузевиц К. 1806 Krieg / К. Клаузевиц. – Москва : Госвоениздат, 1934. – С. 5–15.

казала, что королевство нуждалось в реформах не только в военно-административной сфере, но и в социально-экономической: из-за потери большой части территорий в стране начался экономический кризис, общество впало в состояние аномии, а внутренняя политика стала совсем дезорганизованной. При этом Пруссия перестала быть суверенной в полном смысле этого слова, что делало ситуацию еще более критической, а необходимость реформ – очевидной и для консервативных кругов прусской политической элиты, в том числе и для Фридриха Вильгельма III, для которого вопрос реформ стал вопросом политического выживания и сохранения династии^[20].

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА РЕФОРМЫ

Для России поражения в войнах III и IV коалиций были крупным унижением для государства и самого императора, но они не произвели столь серьезного влияния на внутреннюю политику государства, как в Пруссии. Хотя в обществе становятся популярными тайные общества, самое известное из которых было общество масонов, их удельный вес был недостаточен для выражения явной поддержки реформам. Консервативные слои были более заметны и оказывали сильное противодействие попыткам преобразований.

Иной была ситуация в 1812 году. Отечественная война по своим последстви-

ям была полезна и для всего российского общества, и для императора, по мнению историка Н. К. Шильдера^[21], так как способствовала сплочению народа вокруг трона. Однако заграничные походы русской армии историк причислял к факторам, оказавшим негативное влияние на внутреннюю политику второй половины правления Александра I. Сильнейшая империя мира с передовым общественным устройством была повержена, во внешней политике Россия заняла место Наполеона, стала крупнейшим геополитическим игроком за счет присоединения новых территорий и главенствующей роли императора в Священном союзе – военно-политическом объединении русского, австрийского и прусских монархов в целях охраны существующих монархических режимов в Европе и подавлении национально-освободительных движений. Эта крупнейшая внешнеполитическая победа консервативного режима, по мнению Н. А. Троицкого^[22], явно не была стимулом для внутренних преобразований, скорее наоборот. Однако еще были попытки проведения либеральных преобразований, более выборочные и осторожные. Реформы затронули наиболее развитые западные регионы страны: крепостное право было отменено в Прибалтике, Польше дарована конституция и широчайшая автономия. Преобразования во внутренних регионах остались на уровне проектов. Сам факт существования проектов отмены крепостного права А. А. Аракчеева и Д. А. Гурьева, конечно,

[20] Баев В.Г. Реформы и реформаторы. К вопросу о причинах, особенностях и итогах государственно-правовой трансформации Пруссии в начале XIX в. / В.Г. Баев // Российский журнал правовых исследований. – 2022. – Том 9, №1. – С. 37.

[21] Шильдер Н.К. Император Александр I. В 4 томах. Том III / Н.К. Шильдер. – СПб: Изд. А.С. Суворина., 1897. – С. 138.

[22] Троицкий Н. А. Указ. соч. – С.40.

говорит о намерениях преобразования в этой области, однако какие-либо практические шаги в решении крестьянского вопроса отсутствовали.

Влияние внешней политики можно проследить и в сущностной составляющей преобразований в России. Александр I был воспитан Екатериной II в соответствии с духом эпохи Просвещения. Учитель Александра Павловича Фредерик Лагарп был искренним сторонником республиканских идей, позже став в ходе революционных войн одним из создателей и членом Директории Гельветической республики, образованной после вторжений войск революционной Франции на территорию Швейцарской конфедерации. Характерно, что переписка Александра I с его учителем продолжалась и долгое время после возвращения последнего в Швейцарию. Лагарп писал императору: «Ни на мгновение не забывайте, что первые и самые священные обязательства Ваши суть обязательства перед Россией, что Россия Вас десять веков ждала!»^[23].

Первые попытки реформ Александр начинает еще до внешнеполитических потрясений, однако эти изменения в государственном управлении и создание процедуры добровольного освобождения крестьян не привели сами по себе к подлинной модернизации России, но свидетельствуют об искреннем стремлении Александра к таковому. Справедливо поэтому высказывание

В. О. Ключевского, отмечавшего, что «Александр вступил на престол с запахом возвышенных и доброжелательных стремлений, которые должны были бы водворять свободу и благоденствие в управляемом народе, но не давал отчета, как это сделать»^[24]. Подтверждения этому есть и в его письмах Лагарпу в 1811 г., где он так описывает процесс реформ в России: «Здесь мы идем медленно, но всегда приближаемся к более и более либеральным идеям»^[25].

Стоит отметить, что свертывание реформ, переход к «аракчеевщине» и отдаление от Александра бывших членов негласного комитета предварялись изменениями в мировоззрении императора, его обращением к мистицизму: «Деист превратился в мистика. <...> В последующие годы в нем стали заметны утомление жизнью стремление уйти в созерцательное одиночество»^[26], а также разочарованием Александра (как и большей части интеллигенции тогдашней Европы) в идеалах Просвещения после Наполеоновских войн. Можно сделать промежуточный вывод, что сущность реформ в Российской империи была производной от мировоззрения императора и окружавшей его узкой группы людей. Сообщив в начале своего правления преобразованиям, еще не обусловленным внешне- или внутривнутриполитическими практическими причинами, импульс, он после 1815 года так же по собственной инициативе и в силу изменившихся убеждений сообщил импульс

[23] Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп : Письма. Документы : в 3-х т. Т. 2 / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Андреева и Д. Тозато-Ригго. – Москва, 2017. – С. 273.

[24] Ключевский В. О. Указ. соч. – С. 269.

[25] Письма императора Александра I и других особ царственного дома к Ф. Ц. Лагарпу / Александр I, Ф.Ц. Лагарп. – С. Петербург : Типография Императорской академии наук, 1870. – С. 41.

[26] Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. В трех частях. Часть третья / С.Ф. Платонов. – Москва : Директ-Медиа, 2016. – С. 440–441.

к их постепенному свертыванию. В свою очередь важным фактором изменения мировоззрения Александра I является коренной перелом в европейской политике, произошедший после падения Наполеона и закрепленный на Венском конгрессе. Поэтому, с теоретической точки зрения, как и с практической, реформы в годы правления Александра I тесно связаны со внешней политикой. В первой половине правления Александра Россия вынуждена искать компромиссы с Наполеоновской Францией, а значит и с просветительским проектом, идеи которого Александр в общем разделяет. При этом постепенно, в том числе и из-за осложнения внешнеполитической ситуации, данный проект вызывает все большее отторжение не только у консервативной части дворянства, но и у самого императора, отдаляющего от себя сначала членов Негласного комитета, а потом и вовсе приближая реакционно настроенного А. А. Аракчеева. В. О. Ключевский замечает: «...охранительное направление из внешней политики необходимо переносилось и на внутреннюю...»^[27].

Начало реформ Пруссии после тяжелого поражения в войне четвертой коалиции принято связывать с именем Генриха Фридриха фон Штейна, министра финансов Пруссии в 1804–1807 гг. Еще до разгрома Пруссии он пытался проводить реформы в прусском хозяйстве, согласно английскому образцу, еще до войны с Наполеоном – то есть ограничивать вмешательство государства в регуляцию денежно-товарного пото-

ка внутри страны, понизить налоговые сборы в промышленной и земледельческой сферах, облегчить жизнь бюргерства и городских гильдий, решить проблему с крестьянством и «крепостной системой» (фактически, система сельского хозяйства строилась на крестьянах, имевших схожий с крепостными в России экономическо-правовой статус)^[28]. Данные меры не вызвали у Фридриха Вильгельма III какого-либо понимания – и Штейн был отправлен в отставку.

Однако в 1806–1807 годах в Пруссии проявился общественно-политический кризис – страна стояла у пропасти, общество чувствовало потребность в реформах и в возрождении прусской национальной идеи на фоне разрушающегося на глазах старого мира^[29]. Поэтому концепты, изложенные в записке Штейна императору, уже после отставки, с планом перестройки государственного и общественного быта, были вынужденно приняты правительством, а сам Штейн стал премьер-министром Пруссии. В записке Штейн, будучи поклонником авангардной на тот момент теории политэкономии Адама Смита, критиковал принцип экономического устройства Пруссии, которое было заложено еще в XVIII веке. Барон негативно оценивал концепт государственного меркантилизма (то есть нацеленность на расширение экспорта и аккумуляции государством полученных средств), ограниченность и неразвитость промышленности, которая отдавала всегда приоритет военному сектору, а также

[27] Ключевский В. О. Указ. соч. – С. 293.

[28] Кареев Н.И. Указ. соч. – С. 29–31.

[29] Безотосный В.М. Наполеоновские войны / В.М. Безотосный. – Москва : Вече, 2010. – С. 28.

нерентабельность монополистических государственных гильдий и компаний. Преобразования, по замыслу Штейна, должны были укреплять положение дворянства и вековых общественных объединений. Корни всех этих способов общественной организации реформатор видел в «...древнем германском быту...»^[30], при этом в своих преобразованиях он опирался на опыт Англии, сохранившей, по его мнению, традиционные устои и высокую роль местного самоуправления в процессе модернизации государственного управления. Штейн никогда не поддерживал начинания монарха и государственного аппарата – но, тем не менее, завоевал еще в 1804 году симпатию королевы Луизы^[31], которая сумела убедить мужа дать барону высокий пост в 1807 году. В обмен на согласие работать в аппарате, Штейн потребовал у монарха отменить фактическую подчиненность кабинета министров королю – теперь министры имели право вести с Фридрихом Вильгельмом диалог. Таким образом, прусское правительство, осознав угрозу развала Прусского королевства, перспективу демонтажа национальной идентичности германцев и глубочайший кризис всех сфер общества, было вынуждено согласиться на радикальные реформы, инициатором которых выступал некогда опальный барон фон Штейн.

В Пруссии сущностное наполнение реформ отличалось от такового в России, но также определялись не только взглядами короля и государственных деятелей, но и внешнеполитической об-

становкой. Убеждения прусского короля Фридриха Вильгельма III были далеки от идеалов Просвещения. Яркий представитель просвещенного абсолютизма в Пруссии, Фридрих II, в отличие от Екатерины II, не передал своих убеждений наследникам. Поэтому вплоть до разгрома в 1806 году Фридрих Вильгельм III не предпринимал и, вероятно, даже не осознавал потребности проведения реформ, что контрастирует с убеждениями российского императора. Противоположных взглядов придерживался один из будущих реформаторов Карл Август фон Гарденберг, который во «...внешней политике <...> был врагом Наполеона, <...> в вопросах внутреннего управления был проникнут французскими идеями и именно в том практическом применении, какое им придал Наполеон...»^[32]. Однако, сам Наполеон увидел в Гарденберге потенциального противника, а поэтому настоял на его отстранении от двора. Реформы суждено было начать Генриху Фридриху фон Штейну, рекомендованному Наполеоном прусскому королю вместо неугодного императору Гарденберга. Ключевой идее программы преобразований Штейна было возрождения «древнего германского быта». Однако вскоре и он был вынужден оставить свой пост из-за недовольства со стороны Наполеона.

Реформы продолжил ранее отправленный в отставку Гарденберг, который в значительно большей степени воспринял дух Просвещения. Вместо местного самоуправления Гарденберг предлагал централизацию по образцу наполео-

[30] Кареев Н. И. Указ. соч. – С. 33.

[31] Griewank K. Königin Luise, Ein Leben in Briefe / K. Griewank. – Leipzig: Koehler & Amelang, 1943. – S. 253.

[32] Кареев Н.И. Указ.соч. – С. 31.

новской Франции, вместо опоры на дворянство он укреплял бюрократию. При Гарденберге была проведена самая либеральная и прогрессивная из прусских реформ – реформа образования В. фон Гумбольдта. Можно заметить, что как идеалы реформаторов, так и их ориентиры по меньшей мере не совпадали, а иногда и вовсе противоречили друг другу. Столь «непоследовательный» реформаторский курс, как и наличие импульса к преобразованиям, также можно отнести к производным от внешнеполитической ситуации. Наполеон, стремясь не допустить возрождения Пруссии, с одинаковым подозрением относился ко всем прусским выдающимся государственным деятелям, в результате чего Генрих фон Штейн после отставки был вынужден покинуть и Пруссию, и Австрию. Важным следствием разгрома Пруссии была и удаленность короля от столицы: после Тильзитского мира Фридрих Вильгельм III с семьей до конца 1809 г. по распоряжению Наполеона был вынужден править из Мемеля, не возвращаясь в Берлин, что не способствовало формулированию единой программы преобразований.

Таким образом, внешняя политика не способствовала проведению реформ в России. Консервативные слои общества не были поставлены в столь уязвимое положение, что реформы могли бы показаться выходом из него. После 1812 года победа над Наполеоном служила укреплением консерватизма внутри страны и на европейской арене. В Пруссии сложилась кардинально иная ситуация. Там реформы после 1807 г. имели значительно более решительный характер, что позволило добиться коренных

изменений в государственном управлении и экономике государства уже в самом начале преобразований. Различались реформы и сущностно: в России программа преобразований была сформулирована императором и его окружением, но не смогла преодолеть сопротивление консервативно настроенной части общества, а затем под влиянием внешнеполитических успехов тихо свернута. В Пруссии же общие цели и программы реформ, которые могла бы критиковать консервативная часть общества, так и не были выдвинуты, во многом в результате тяжелого внешнеполитического положения и подчиненности внутренней политики Берлина давлению Парижа. Можно сделать вывод, что реформы были обусловлены различными процессами и проводились в отличающихся условиях, что не могло не сказаться на их итогах.

ИТОГИ РЕФОРМ В РОССИИ И В ПРУССИИ

Александр I, искренний в своем стремлении к преобразованию государства, понимал своей задачей модернизацию государства в соответствии с духом Просвещения. При этом молодой государь в начале своего правления не осознавал всего масштаба поставленной задачи. Характерен здесь пример упомянутого выше «Указа о вольных хлебопашцах», которому Александр придавал большое значение: царь требовал в канцелярии ежегодный отчет о крепостных, которые благодаря этой мере стали свободными. Бюрократия Российской Империи оказалась более развитой и прогрессивной, чем дво-

рянское общество в целом^[33]. Несмотря на возложенные на указ надежды, за правление Александра число освободившихся таким образом составило менее 0,5% от общего числа крестьян. Стоит отметить, что в первые пять лет царствования Александр мог убедиться в сложности выбранного им для России пути. А. А. Корнилов поэтому верно отмечал, что «... [Александр I] был, в сущности, вовсе не подготовлен к той великой миссии, которая ему предстояла <...> он не знал настоящим образом ни окружающей его страны, ни даже самого себя. Вскоре, при помощи своих ближайших друзей-сотрудников он убедился в великой трудности осуществления занимавших его мечтаний политических планов...»^[34].

В период 1807–1812 гг. Александр еще не теряет веры в идеалы Просвещения и возможности реформирования государства. Император при этом меняет метод реформирования страны: проекты преобразований теперь составляет не лично император, но талантливый бюрократ Сперанский. После Тильзитского мира реформы были обусловлены уже не только мечтаниями Александра: «...потребность выдвинула на авансцену внутренней политики великого систематика – Сперанского...»^[35]. Этот талантливый государственный деятель завершил министерскую реформу и воплотил в жизнь многие идеи Негласного комитета.

К 1812 году за плечами императора был почти десятилетний конфликт между усвоенными в юности от Лагарпа идеями Просвещения и общественным мнением, по большей части настроенного настороженно по отношению к какому-либо преобразованиям. Александр решается на отмену крепостного права в балтийских губерниях, то есть воплощает в жизнь идеалы своей юности там, где это встречает наименьшее сопротивление и требует наименее тщательной и системной проработки вопроса.

Александровские реформы структурно не изменили государство и общество, но привели к разочарованию либеральных слоев общества в самой возможности реформ, стремление к реформам постепенно «ушло внутрь» общества^[36]. После Заграничных походов образуются тайные политические организации, ставящие своей целью коренные преобразования в России. Результатом деятельности самых организованных и решительно настроенных из этих обществ становится восстание декабристов в 1825 г., вскоре после смерти Александра I. Данное событие укрепило Николая I в его стремлении сохранить консервативные тенденции второй половины царствования его брата^[37], так что его правление В.О. Ключевский даже считал логичным продолжением второй половины царствования Александра I^[38]. В результате, на 30 лет Россия

[33] Armstrong J. A. Old-Regime Administrative Elites: Prelude to Modernization in France, Prussia, and Russia / J. A. Armstrong // *International Review of Administrative Sciences*. – 1972. – Vol. 38, No. 1. – P. 23.

[34] Корнилов А.А. Курс истории России XIX века / А.А. Корнилов. – Москва : ARCHIVE PUBLICA, 2012. – С. 222.

[35] Кизеветтер А.А. Исторические очерки / А.А. Кизеветтер. – Москва : ОКТО, 1912. – С. 297.

[36] Ключевский В.О. Указ.соч. – С. 240.

[37] Троицкий Н.А. Указ.соч. – С. 69.

[38] Ключевский В.О. Указ.соч. – С. 336.

превращается в оплот консерватизма, играя при этом важную роль в европейской политике и принимая участие в решении почти всех важных конфликтов того времени: Восточный вопрос, Венгерское восстание, Египетский вопрос, Германский вопрос и другие. При этом из идеологических соображений – принципа легитимизма, Россия в этот период не всегда действует в своих национальных интересах, ставя выше интересы Священного союза. С точки зрения экономики, империя развивается по-прежнему экстенсивно, опираясь на крепостное право. Коренное изменение внутривластного курса – начало Великих реформ Александра II, оказалось связано с событием внешней, а не внутренней политики – поражением в Крымской войне.

Иными были итоги преобразований в Пруссии. После катастрофы 1807 года правящие круги Пруссии во главе с королем осознали необходимость реформ. Для Фридриха Вильгельма III необходимость преобразований была тесно связана с практическим результатом, а ценностное наполнение и ожидаемый результат реформ, будь то сохранение традиций прусской старины или, напротив, реформирование Пруссии по примеру наполеоновской Франции были сформированы не им самим, но непосредственно реформаторами. При этом и Штейн, и Гарденберг не могли довести свою личную программу до конца из-за внешнеполитических причин: Штейн был отстранен под давлением Наполеона, а в преобразования Гарденберга вмешалась война за Освобождение.

Экстренный характер проведения реформ и отсутствие сформулированной программы имело ряд последствия для итогов этих преобразований.

Во-первых, первые коренные преобразования социально-экономического устройства Пруссии были проведены в кратчайшие сроки. Перед тем как перейти к построению необходимого, по мнению Штейна, Пруссии государственного строя необходимо было укрепить расшатанные военной катастрофой государственные механизмы. Уже 9 октября 1807 года крепостное право было отменено Штейном на всей территории Пруссии. Не только дворянство, но и сам король стремился ограничить действие данной реформы лишь двумя провинциями. Тем не менее, Штейн убеждает Фридриха Вильгельма III в необходимости распространения реформы на всей территории Пруссии. Это способствовало экономическому развитию Пруссии за счет повышения эффективности производительности труда. В ноябре 1808 Штейн уже проводит административные реформы, укрепившие городское самоуправление. Реформатор, однако, «...не успел распространить те же начала на сельскую и уездную жизнь...»^[39]. Начав возводить здание своих реформ с нуля, Штейн не успел его закончить из-за скорой отставки, так что немецкий историк Хаген Шульце даже делает вывод, что реформы Штейна не были встроены в какой-либо план и служили лишь повышению эффективности прусского государства в условиях чрезвычайной ситуации^[40].

Гарденберг, продолживший дело

[39] Кареев Н.И. Указ.соч. – С. 36.

[40] Schulze H. The Prussian Reformers and their Impact on German History / H. Schulze // Reforms in Great Britain and Germany 1750–1850. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – P. 65.

Штейна, в большей степени мог претендовать на наличие какой-то программы и ожидаемого результата преобразований, он был вписан в контекст оформления нации и национального государства^[41]. Он акцентирует внимание на вопросе национального представительства и гражданского равноправия. При этом именно при Гарденберге в Пруссии, как и в России при Сперанском растет недовольство привилегированных сословий реформами и самим реформатором. В феврале 1811 и в апреле 1812 собрание нотаблей в Берлине пытается выступить с оппозицией реформам, но тщетно. Одновременно с противостоянием консервативно настроенному дворянству, Гарденберг изменяет и некоторые положения реформ Штейна. Вместо уездного самоуправления новый канцлер планирует учредить в Пруссии систему префектур по французскому образцу, но не успевает сделать это до начала войны. Однако в 1814 году, после убедительных побед Пруссии над Наполеоном, этот проект был отменен.

После Венского конгресса Пруссия, как и Россия, осталась реакционной и консервативной монархией. Однако в Пруссии реформы в общем создали местную систему самоуправления, заложили основу для бурного развития ка-

питализма^[42]. При этом преобразования Штейна и Гарденберга не создали предпосылок для формирования бескомпромиссно настроенных по отношению к государству и королю революционеров, так как сам Гарденберг в «Рижском меморандуме» определял «хорошую» революцию, к которой он стремился, как «демократические принципы в пределах монархии»^[43], оба реформатора не поддерживали негосударственные объединения, даже и направленные на освобождение Пруссии от Франции, такие как Тугендбунд, подозревая в них «якобинский клуб»^[44]. На фоне достижения внутривластной стабильности, прусская экономика развивается интенсивно. За счет поддержки юнкеров и либеральных экономических преобразований удается модернизировать, сделать более эффективным сельское хозяйство Пруссии, по темпам индустриального развития в результате реформ Пруссия опережала многие страны Европы, в том числе и давнюю соперницу – Австрию^[45]. При этом удается отдалить и проблему потенциальной «революции снизу» как выражения народного недовольства продолжавшимся реакционным курсом – реформы Штейна и Гарденберга усилили тенденцию ожидания реформ именно сверху^[46]. Однако в середине XIX века Пруссия сначала

[41] Рагозин Г.С. Идеология и проекты реформ в Пруссии 1807–1814 гг.: позиция государственных деятелей / Г.С. Рагозин // Вестник ТвГУ. – 2017. – №2. – С. 119.

[42] Баев В.Г. Реформы и реформаторы. К вопросу о причинах, особенностях и итогах государственно-правовой трансформации Пруссии в начале XIX в. / В.Г. Баев // Российский журнал правовых исследований. – 2022. – Том 9, №1. – С. 37.

[43] Winter G. Die Reorganisation des Preußischen Staates unter Stein und Hardenberg // G. Winter. – Leipzig: S. Hirzel, 1931. – S. 306.

[44] Виппер Р.Ю. Государственные идеи Штейна / Р.Ю. Виппер. – Москва: Русская мысль, 1891. – С. 14.

[45] Schulze H. The Prussian Reformers and their Impact on German History / H. Schulze // Reforms in Great Britain and Germany 1750–1850. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – P. 74.

[46] Баев В.Г. Реформы и реформаторы. К вопросу о причинах, особенностях и итогах государственно-правовой трансформации Пруссии в начале XIX в. / В.Г. Баев // Российский журнал правовых исследований. – 2022. – Том 9, №1. – С. 37.

оказывается в центре «Весны народов» – серии европейских революций, а затем терпит ощутимое внешнеполитическое поражение: Фридриху Вильгельму IV из-за вмешательства России и Австрии были навязаны Ольмюцкие соглашения, предотвратившие объединение Германии, Пруссия проиграла Дании войну за Шлезвиг-Гольштейн. Это способствовало возрождению реформ в Пруссии, олицетворяемых уже фигурой Бисмарка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И Пруссия, и Россия являлись в начале XIX в. абсолютными монархиями. В обоих государствах были предприняты попытки преобразований, прошедших с различным успехом из-за влияния в том числе и внешнеполитического фактора. В Пруссии отсутствие программы реформ и конечной цели стало, таким образом, одним из главных преимуществ. В России же Александр I стремился к скорому преобразованию страны в соответствии с духом эпохи Просвещения, что настраивало консервативные слои общества против него и его окружения. В то же время в Пруссии оба реформатора были вынуждены начать именно с укрепления государства, «...они направили все свои старания на улучшение самих правительственных учреждений...»^[47]. Этот в большей степени оправданный в условиях экстренной ситуации, к которой привел внешнеполитический курс Фридриха Вильгельма III, процесс не вызвал поначалу сильного противодей-

ствия со стороны дворянства, что позволило прусскому государству достичь более быстрого и полного успеха на пути модернизации, чем российскому. В России реформы были не настолько популярными в силу разрыва теории и практики, общество не осознавало необходимость реформ и оказывало им противодействие с самого начала правления Александра I.

На протяжении всего процесса преобразования внешняя политика оказывала серьезное влияние на их темп и их восприятие в обществе в обеих странах. После поражения в войне Четвертой коалиции, Россия как государство оставалась суверенной, как во внутренней, так и во внешней политике. Положение Пруссии же было значительно более тяжелым, реакционно настроенные круги прусского общества мобилизовались слишком поздно, чтобы выступить с организованной критикой преобразований Штейна-Гарденберга. В результате, в Пруссии недовольство реформаторами было выражено лишь в 1811–1812 гг., когда преобразования были уже институционализированы. После Венского конгресса обе страны вернулись к реакции, однако Пруссии удалось сохранить более высокие темпы экономического роста. Тем не менее, преобразования в обеих консервативных монархиях продолжились лишь через 40 лет, что было связано снова с внешнеполитическим импульсом – ощутимым поражением середины XIX в.

[47] Кареев Н.И. Указ.соч. – С. 37.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914) / О.Р. Айрапетов. – Москва : Европа, 2006. – 606 с.
2. Баев В.Г. Реформы и реформаторы. К вопросу о причинах, особенностях и итогах государственно-правовой трансформации Пруссии в начале XIX в. / В.Г. Баев // Российский журнал правовых исследований. – 2022. – Том 9, №1. – С. 33–42.
3. Безотосный В.М. Наполеоновские войны / В.М. Безотосный. – Москва : Вече, 2010. – 416 с.
4. Введение к уложению государственных законов М. М. Сперанского // Конституция РФ: сайт. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3848894> (дата обращения: 27.05.2023).
5. Виппер Р.Ю. Государственные идеи Штейна / Р.Ю. Виппер. – Москва : Русская мысль, 1891. – 17 с.
6. Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп : Письма. Документы : в 3-х т. Т. 2 / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Андреева и Д. Тозато-Риго. – Москва : РОССПЭН, 2017. – 965 с.
7. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России / Н.М. Карамзин. – Москва : Наука, 1991. – 127 с.
8. Кареев Н.И. Прусские реформы перед войной за освобождение / Н.И. Кареев // Отечественная война и русское общество 1812–1912. В 7 т. Т. 6. – Москва : Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1912. – С. 29–39.
9. Клаузевиц К. 1806 Krieg / К. Клаузевиц. – Москва : Госвоениздат, 1934. – 692 с.
10. Кизеветтер А.А. Исторические очерки / А.А. Кизеветтер. – Москва : ОКТО, 1912. – 502 с.
11. Ключевский В.О. Курс русской истории. В 5 т. Т. 5 / В.О. Ключевский. – Москва : Директ-Медиа, 2012 – 601 с.
12. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века / А.А. Корнилов. – Москва: ARCHIVE PUBLICA, 2012. – 228 с.
13. Лависс Э. Очерки по истории Пруссии / Э. Лависс. – Калининград : Янтарный сказ, 2006. – 301 с.

14. Манифест «Образование Государственного совета» 1 января 1810 г. // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т.6: Законодательство первой половины XIX века. — Москва : Юридическая литература, 1988. — С. 61–78.
15. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в первой четверти XIX в. / С.В. Мироненко. — Москва : Наука, 1989. — 240 с.
16. Письма императора Александра I и других особ царственного дома к Ф.Ц. Лагарпу / Александр I, Ф.Ц. Лагарп. — С. Петербург : Типография Императорской академии наук, 1870. — 121 с.
17. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. В трех частях. Часть третья / С.Ф. Платонов. — Москва: Директ-Медиа, 2016. — 560 с.
18. Рагозин Г.С. Идеология и проекты реформ в Пруссии 1807–1814 гг.: позиция государственных деятелей / Г.С. Рагозин // Вестник ТвГУ. — 2017. — №2. — С. 110-122.
19. Самарин Ю. Ф. Финансовые реформы в Пруссии в начале нынешнего столетия / [Соч.] Ю. Ф. Самарина. — Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К°, ценз. 1878. — 70 с.
20. Тарле Е.В. Наполеон / Е.В. Тарле. — Москва: Журнально-газетное объединение, 1936. — 624 с.
21. Троицкий Н.А. История России в XIX веке / Н.А. Троицкий. — Москва : Высшая школа, 1997. — 431 с.
22. Чарторыйский А.Ю. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с Александром I. В 2 т. Т. 1 / Адам Чарторижский ; пер. с фр. А. Дмитриевой ; ред. и вступ. ст. А. Кизеветтера. — Москва : книгоиздательство К.Ф. Некрасова, 1912. — 388 с.
23. Шильдер Н.К. Император Александр I. В 4 томах. Том III / Н.К. Шильдер. — СПб: Изд. А.С. Суворина, 1897. — 647 с.
24. Эйдельман Н.Я. Грань веков / Н.Я. Эйдельман — Москва : Мысль, 1986. — 368 с.
25. Armstrong J.A. Old-Regime Administrative Elites: Prelude to Modernization in France, Prussia, and Russia / J. A. Armstrong // International Review of Administrative Sciences. Vol. 38, issue 1, 1972. — PP. 21-40.
26. Griewank K. Königin Luise, Ein Leben in Briefe / K. Griewank. — Leipzig: Koehler & Amelang, 1943. — 504 s.
27. Rovin J. Histoire de l'Allemagne des origines à nos jours / J. Rovin. — Montrouge: L'Institut Franco-Allemand, 1999. — 992 p.

28. Schulze H. *The Prussian Reformers and their Impact on German History* / H. Schulze // *Reforms in Great Britain and Germany 1750–1850*. Oxford: Oxford University Press, 1999. – PP. 60–77.

29. Winter G. *Die Reorganisation des Preußischen Staates unter Stein und Hardenberg* // G. Winter. – Leipzig: S. Hirzel, 1931. – 576 s.

30. Taylor A.J.P. *The course of German history* / Taylor A.J.P. – London: Routledge, 1961 – 272 p.

REFERENCES

1. Airapetov O.R. *Vneshn'aya politika Rossiyskoy imperii (1801–1914)* [The Foreign Policy of the Russian Empire (1801–1914)] / O.R. Airapetov – Moscow: Evropa [Europe], 2006. – 606 p.

2. Armstrong J.A. *Old-Regime Administrative Elites: Prelude to Modernization in France, Prussia, and Russia* / J. A. Armstrong // *International Review of Administrative Sciences*. Vol. 38, issue 1, 1972. – PP. 21-40.

3. Baev V.G. *Reformi i reformatory. K voprosu o prichinah, osobennostyakh i itogah gosudarstvenno-pravovoy transformazii Prussii v nachale XIX v.* [Reforms and Reformers on the Question of the Causes, Features and Results of the State-Legal Transformation of Prussia at the Beginning of the 19th Century] / V. G. Baev // *Rossiyskiy jurnal pravovih issledovaniy* [Russian journal of legal studies]. – 2022. – Vol. 9, №1. – PP. 33-42.

4. Bezotosny V. M. *Napoleonovskiye voyni* [Napoleonic Wars] / V. M. Bezotosny – Moscow: Vechee, 2010. – 416 p.

5. Czartoryski A. E. *Memuary knyazya Adama Czartoryskogo i ego perezpiska s Aleksandrom I* [The Memoirs of Prince Adam Czartoryski and His Correspondence with Alexander I] / A. E. Czartoryski, tr.by A. Dmitrieva, ed.by A. Kiesewetter. – Moscow: K. F. Nekrasov, 1912–1913. – 388 p.

6. Eidelman N. Ya. *Gran` vekov* [The Edge of Centuries] / N. Ya. Eidelman – Moscow: Mysl [Thought], 1986. – 368 p.

7. Griewank K. *Königin Luise, Ein Leben in Briefe* [Queen Luisa, the Life in Letters] / K. Griewank – Leipzig: Koehler & Amelang, 1943. – 504 S.

8. *Imperator Alexander I i Frederik-Cezar Lagarp : Pis'ma. Documenti* [Emperor Alexander I and Frederic-Cesar Laharpe: Letters. Documents] in 3 vol. Vol. 2 / Compilers, introductory article and commentary A. Yu. Andreeva, D. Tozato-Rigo – Moscow: ROSSPEN, 2017. – 965 p.

9. Karamzin N.M. Zapiska o drevney i novoy Rossii [Memoir on Ancient and Modern Russia] / N.M. Karamzin – Moscow: Nauka [Science], 1991. – 127 p.
10. Kareev N.I. Prusskie reformi pered voynoy za osvobozhdenye [Prussian reforms before the Wars of Liberation] / N.I. Kareev // Otechesnennaya voyna i russkoe obsh'ество 1812–1912 [The Patriotic War of 1812 and the Russian society 1812–1912] in 7 vol. Vol. VI. – Moscow: Tipografiya Tovarishstva I.D. Sytina [Printing House of the I.D. Sytin Company], 1912. – PP. 29–39.
11. Kiesewetter A.A. Istorichesky ocherki [The historical essays] / A. A. Kiesewetter – Moscow: OKTO, 1912. – 502 p.
12. Klausewitz K. 1806 Krieg [The War of 1806] / K. Klausewitz. – Moscow, Gosvoenizdat [State Military Publisher], 1934. – 864 p.
13. Klyuchevskiy V. O. Kurs russkoy istorii [Course in Russian History] in 6 vol. Vol. 5. / V. O. Klyuchevskiy – Moscow: Direct-Media, 2010. – 601 p.
14. Kornilov A. A. Kurs istorii Rossii XIX veka [Course in the History of Russia of the 19th Century] / A. A. Kornilov – Moscow: ARCHIVE PUBLICA, 2012. – 228 p.
15. Laviss E. Ocherki po istorii Prussii [Essays on the History of Prussia] / E. Laviss – Kaliningrad: Yantarny Skaz [Amber Tale], 2006. – 301 p.
16. Manifest “Obrazovaniye Gosudarstvennogo soveta” 1 yanvarya 1810 g. [Manifesto on the Establishment of the State Council, 1 January 1810] // Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. [Russian Legislation of the 10th–20th Centuries] in 9 vol. Vol. 6: Zakonodatelstvo pervoy polovini XIX veka [The Legislation of the First Half of the 19th Century] – Moscow: Yuridicheskaya literarura [Law Literature], 1988. – PP. 61–78.
17. Mironenko S.V. Samoderzhavie i reformy: politicheskaya bor'ba v Rossii v pervoy chetverti XIX veka [Tsarist Autocracy and Reforms: Political Struggle in Russia in the First Quarter of the 19th Century] / S. V. Mironenko – Moscow: Nauka [Science], 1989. – 258 p.
18. Pis'ma imperatora Alexandra I i drugih osob zarstvennogo doma k F. C. Lagarpu [The Letters from Emperor Alexander I and Other Members of the Royal House to F.C. Laharpe] / Alexander I, F. C. Lagarpe – Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk [The Imperial Academy of Sciences Printing House], 1870. – 121 p.
19. Platonov S. F. Polniy kurz lekziy po russkoy istorii [The Full Course of Lectures on Russian History] in 3 vol. Vol. 3 / S.F. Platonov – Moscow: Direct-Media, 2016. – 560 p.

20. Ragozin G.S. Ideologiya i proekti reform v Prussii 1807–1814 gg.: poziciya gosudarstvennih deyateley [The Ideology and Projects of Reforms in Prussia in 1807–1814: the Position of Statemen] / G. S. Ragozin // Vestnik TvGU. – 2017. – No.2. – PP. 110-122.

21. Rovan J. Histoire de l'Allemagne des origines à nos jours [The history of Germany from the Origins to the Present Day] / J. Rovan – Montrouge : L'Institut Franco-Allemand 1999. – 992 p.

22. Samarin Yu. Finansoviy reform v Prussii v nachale etogo veka. [Financial Reforms in Prussia at the Beginning of this Century] / [Op.] Yu. F. Samarina. – St. Petersburg: type. V. Bezobrazova and Co., censor – 1878. – 70 p.

23. Schilder N. K. Imperator Alexander I [The Emperor Alexander I] in 4 vol. Vol. III / N. K. Schilder – Saint-Petersburg: Izdatel'stvo A.S. Suvirina [A.S. Suvorin's Publishment], 1897. – 647 p.

24. Schulze H. The Prussian Reformers and their Impact on German History / H. Schulze // Reforms in Great Britain and Germany 1750–1850. Oxford: Oxford University Press, 1999. – Pp. 60 – 77.

25. Tarle E.V. Napoleon [Napoleon] / E.V. Tarle – Moscow: Journalno-gazetnoe ob'edineniye [Magazine and Newspaper Association], 1936. – 624 p.

26. Troitsky N.A. Istoriya Rossii v XIX veke [The history of Russia in the 19th Century] / N.A. Troitsky– Moscow: Vyshaya shkola [Higher School], 1997. – 297 p.

27. Taylor A.J.P. The Course in German history/ A.J.P. Taylor. - London: Routledge, 1961 – 272 p.

28. Vvedenie k ulozheniyu gosudarstvennih zakonov M. M. Speranskogo. [The Introduction to the Code of State Laws by M. M. Speranskiy] // Russian Constitution: official site. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3848894> (Accessed 27 May 2023).

29. Vipper R. Y. Gosudarstvennyy idei Steyna [Stein's State Ideas] / Vipper R.Y. – Moscow: Russkaya mys' [The Russian thought], 1891. – 17 p.

30. Winter G. Die Reorganisation des Preußischen Staates unter Stein und Hardenberg [The Reorganisation of the Prussian state under Stein and Hardenberg] / G. Winter. – Leipzig: S. Hirzel, 1931. – 576 p.